

Николай Добролюбов

**Журналы, газеты и публика.
Сочинение А. Надеждина**

Николай Александрович Добролюбов

Журналы, газеты и публика. Сочинение А. Надеждина

Добролюбов использует брошюру петербургского книжного коммерсанта А. Б. Надеждина как пример критики гласности, новых литературных явлений справа, как пример, грубо противодействующий общественному движению, «истинно полезной» деятельности. Симптоматична защита Добролюбовым от бездоказательных нападок Надеждина романов «Переселенцы» Д. В. Григоровича и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

Содержание

#1	0005
Примечания	0017

**Николай Александрович
Добролюбов
Журналы, газеты и публика.
Сочинение А. Надеждина**

СПб., 1859

В настоящее время, когда{1} все так довольны, когда Шамиль взят{2}, Булгарин умер, г. Ефим Дымман каждый день снова публикует о своей науке жизни{3}, – в настоящее время мы вдруг получили «реприманд неожиданный»: {4} г. Надеждин издал книжку, в которой сделал начальническую нотацию всей литературе и к которой прибавил следующий постскриптум:

Р. С. До сих пор публика не возвышала, кажется, против редакторов своего голоса, платила им деньги, верила и ждала, и это едва ли не первая гласная оппозиция против господ, вообразивших себя чем-то похожим на великих инквизиторов, не признававших ничьего суда над собой.

Пусть теперь гг. Ж(ж)урналисты примут к сведению, что прошла пора их странной безответности и настала для них пора гласности (стр. 73).

Как видите, дело очень серьезное: г. Надеждин желает путем гласности достигнуть того, чтобы публика не платила денег издателям журналов!.. Желание это принадлежит, конечно, к разряду тех, которыми нельзя осо-

бенно гордиться; но в г. Надеждине оно оправдывается его собственным намерением издавать периодически книжки «в высшей степени интересные и дешевые». Так по крайней мере сам он говорит в заключении «своей книги»:

Конец этой книжки (приведенный нами выше) ясно говорит читателю, что она служит только передовую последующих. Благодаря Ж(ж)урналы и Г(г)азеты (за что он их так честит прописными буквами?), сотрудников у меня много в разных концах земли русской, – за материалами, конечно, дело не станет, и могу ручаться, что следующие книжки будут интересны, любопытны и разнообразны в высшей степени.

Нет сомнения и в том, что они будут доведены до возможной (еще бы до невозможной!) дешевизны, что постараюсь доказать следующей второй книжкой, которая выйдет не позже октября{5}.

Так вот в чем дело: г. Надеждину не нравится, что публика верит и платит деньги

журналистам, и он хочет, чтобы она верила и платила деньги ему. «Пожалуйста, говорит, ко мне: у меня выбор предметов в высшей степени интересных, любопытных и разнообразных!.. У меня книжки доведены до возможной дешевизны! А все прочие – это что такое!.. Только деньги с вас берут, а сами никуда не годятся!..» Опасный человек этот г. Надеждин: ни малейшей аттенции [1] к литераторам не имеет! Вообразил, что в литературе все дело заключается в усвоении тактики Щукина двора{6}, и вызывает журналистов публично состязаться с ним... Ну, не афронт ли это?

И ведь в какое положение ставит он всех литераторов и журналистов: вызывает всех опровергать его, – хочу, говорит, дельной и беспристрастной критики, – а опровергать-то у него нечего, для критики-то и предмета нет! Что тут прикажете делать? Он себя оградил: прочтет нашу рецензию и скажет, что мы только площадным образом поглумились, а мнений его не опровергли, потому что не могли опровергнуть... Вот и покажется, что вся правда на его стороне. Но что же нам де-

лать-то, посудите: г. Надеждин исписал 75 страниц и не представил ни одного факта, не разобрал ни одного литературного явления и упомянул только два имени – Григоровича и Тургенева. О них он сказал очень горячо и витиевато, что недоволен «Переселенцами» и «Дворянским гнездом»: мнение о «Переселенцах» еще попытался оправдать несколькими общими фразами, а о «Дворянском гнезде» просто повторил несколько раз, что не нравится, нехорошо, неудовлетворительно, не так бы надобно, – да и все тут. Не хочется делать выписку, но если попадетесь вам брошюрка г. Надеждина, – раскройте 68-ю страницу, и вы увидите, что мы говорим правду... {7}

За исключением же этих двух романов, г. Надеждин ничего не называет и с начала до конца раздражается только повальной бранью на русскую литературу. «Она, видите ли, ничего не сделала и не делает, – а только надувает публику и *правительство!*» Фактов никаких на это не представляется, но прямой смысл обвинения не подлежит сомнению... Что же тут делать литераторам и журнали-

стам? Мы думаем: заявить обвинение г. Надеждина перед публикой, так как он на всю литературу нападает от лица публики. Пусть же публика и рассудит между литераторами и г. Надеждиным, который взялся быть их бичом и грозой. Журналистам этот суд давно известен, хотя г. Надеждин и уверяет, что до сих пор гласность не смела коснуться их. Помилуйте – стоит вспомнить г. Байбороду, г. Громеку, «Литературный протест», историю «Ласточки» и «Северного цветка», заметки против «Инвалида» и «Орла»{8}, и пр. и пр. Если уж где малейший скандалец, и даже просто промах выводится на свежую воду, так это именно в журнальном мире. Литератор и журналист счел бы низостью последней степени всякое покушение похлопотать о ненапечатании статейки против него... Сделайте милость, пишите и печатайте: ответ найдется, и публика всегда рассудит правого.

Итак, мы представим итог обвинений, сделанных г. Надеждиным против современной литературы. Они любопытны по своему характеру, совершенно отличному от всего, что до сих пор говорилось против нее другими.

Упрекать литературу, конечно, можно во многом; мы сами не раз говорили, что она сделала очень мало. Но мы, говоря о малозначительности литературы в нашем обществе, постоянно имели в виду тесные обстоятельства, в которых она поставлена благодаря современной апатии общественной. Мы жалели о горестном положении литературы, предостерегали ее от увлечений чужими, да и то мнимыми, успехами и в то же время старались указать ей, где ее настоящее место, где должна развиваться истинно полезная ее деятельность, словом – мы хотели, чтобы литература смелее шла вперед, не останавливаясь на перепутьях и не принимая стрекотанья какого-нибудь сверчка в траве за соловьиное пенье...{9} Ни одного слова, ни одного намека не вырвалось у нас, да и мысли не было о том, чтоб литераторы в своей деятельности поступали бесчестно, водились лишь корыстолюбием и завистью. Да и ни у кого до сих пор, сколько мы знаем, не было столь странных мнений о литературной деятельности. Послушайте же теперь, что говорит г. Надеждин.

После многих рассуждений о натуре рус-

ского человека, которой будто бы никто из пишущих людей не знает, г. Надеждин переходит к вопросу о гласности.

Правительство (говорит он), вручая в наше распоряжение гласность, как бы сказало нам: «Возьмите оружие, всемогущее и грозное оружие, – обличайте им зло и тем помогайте мне искоренять его...» и пр. ... Надобно думать, что все мы с этой точки зрения смотрели на гласность и хорошо понимали великость того доверия, которое оказало нашему уму и сердцу благонамеренное правительство. Как же мы поступали до сих пор с гласностью?

А вот как: если б правительство отняло у нас страшное оружие обратно, мы не вправе были бы роптать (стр. 21–23).

В доказательство столь строгого суждения г. Надеждин указывает... то есть не указывает, а фразирует о статьях, появившихся в русской литературе, относительно крестьянского вопроса. Ничего он не называет, никаких рассуждений не приводит, а только решает наотрез, что «от появления первой статьи до на-

стоящего времени, касательно означенного предмета... в бесчисленных статьях, из которых можно составить целые томы, нет ни одной дельной мысли» (стр. 25). А между тем —

Авторы восхищались своими творениями, ждали, как должной дани, внимания со стороны правительства и рукоплесканий со стороны публики. В самом же деле они фантазировали, подобно плохим музыкантам, кричали, подобно ребятишкам, и, разумеется, ошибались в своих расчетах: правительство деликатно молчало, публика улыбалась, — и здесь и там явилась справедливая потребность оставлять страницы подобных статей неразрезанными. Авторы обвинили правительство в деспотизме, публику в застое, — всех, кроме себя, в невежестве, не умевшем оценить ни их взгляда, ни их строчек (стр. 28–29).

Заметьте, что все эти преступления вносятся вообще на писателей, гуртом, так что обязательный доклад г. Надеждина о литературе, при своей бездоказательности, отличается еще и безымянностью... Приятно иметь

дело с таким обвинителем! Следовало еще только г. Надеждину не печатать своих обвинений, а сообщить их по секрету: тогда успех его роли был бы обеспечен гораздо более, нежели теперешними зазываньями.

«Впрочем, едва ли теперь и нужно доказывать *отсутствие всякой идеи в каждой* строчке, касательно улучшения быта помещичьих крестьян», – заключает г. Надеждин свои фразы, и действительно ничего не доказывает, успокаиваясь на мудрой деятельности губернских комитетов, которых бумаги, по его словам, «закljučают в себе несравненно более плодов ума, опыта и знания дела» (как будто люди пишущие не были членами комитетов и члены комитета никогда ничего не писали!).

Затем столь же строго и решительно осуждает г. Надеждин *всю* серьезную литературную деятельность последних лет, по *всем* вопросам. Все писатели только и обнаружили «совершенное незнание дела да неимение толку...» (стр. 32).

К беллетристике тоже он строг, преимущественно потому, что у него от повестей кру-

гом голова идет. «О новых романах, повестях и рассказах, – пишет он, – думаешь, думаешь, так что голова вокруг пойдет». В этом-то головокругении г. Надеждин, должно быть, и сочиняет свои нотации литературе, да еще прикрывает их именем публики! Но верх произвольных и неблагонамеренных показаний представляет нам объяснение г. Надеждина о том, кто читает и любит журналы. Он говорит, что публика вообще недовольна всеми журналами и газетами и читает их только потому, что нечего больше читать, а потребность в чтении чувствуется. «Но очень многие, – по показанию г. Надеждина, – нетерпеливо ждут почтовых дней и с жадностью принимают за чтение полученных журналов и газет». Что же это за люди? Вот они каковы, эти очень многие:

Бросьте этим господам какую-нибудь громкую блистательную фразу, проповедуйте им либерализм, почаще ругайте правительство, обвиняйте публику в равнодушии и застое, смело называйте умных, даже (!) и государственных людей отсталыми, – и вас,

*поверьте, произведут в гении... и пр.
(стр. 40).*

Признаемся – много носится враждебных слухов относительно значения журналов и вообще литературы, доносятся они и до людей неблагонамеренных, которые всегда готовы расписать их еще хуже, чем как сами получили; но, сколько нам приводилось слышать, ни один из доносившихся голосов, даже побывавши в устах самых неблагонамеренных людей, не чернил литературу перед властями так, как делает это г. Надеждин... Видно, что у него уж нет ни малейшего сострадания даже к читателям; к писателям же он полон адского недоверия и очень сожалеет, «что цензуры не облечены никаким правом смотреть за действиями редакторов касательно дел гласности» (стр. 51). По его мнению, писатели такой народ, что «их самовластью узда необходима, во избежание грустных последствий». По обыкновению, он не объясняет положительно, чего именно он хочет; да и трудно это объяснить: какую уздою, каким еще манером хочет он взнуздать литераторов?

Да, книжка г. Надеждина – печальное и да-

же опасное явление! Конечно, публика вообще не примет его сторону и заклеит его заслуженным презрением, со всеми его бездоказательными и безымянными клеветами. Но ведь есть в числе читающих журналы и такие господа, которые с жадностью ловят всякую клевету и потом разносят ее по свету с добавлениями. И тут уж придинок, объяснений и подозрений – не оберешься!..

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БДЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г.
Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1859, № 9, отд. III, с. 139–143, без подписи,

Добролюбов использует брошюру петербургского книжного коммерсанта А. Б. Надеждина как пример критики гласности, новых литературных явлений справа, как пример, грубо противодействующий общественному движению, «истинно полезной» деятельности. Симптоматична защита Добролюбовым от бездоказательных нападок Надеждина романов «Переселенцы» Д. В. Григоровича и «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

Рецензия Добролюбова была замечена и либеральной критикой. В редакционной «Библиографической заметке» «Русской газеты» (1859, 30 сентября) говорилось, что брошюра Надеждина в «Современнике» разобрана «с самым беспристрастным хладнокровием и с завидной выдержанностью в выражениях».

Сноски

1

Attention (*фр.*) – внимательность. – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

См. примеч. 5 к статье «Литературные мелочи года».

[^^^]

2

25 августа 1859 г. руководитель освободительного движения горцев Шамиль вместе со своими мюридами был осажден в ауле Гуниб, а 26 августа того же года сдался в плен.

[^^^]

3

О книге Е. Дыммана «Наука жизни, или Как молодому человеку жить на свете» см. статью Добролюбова «Новый кодекс русской практической мудрости» в наст. т.

[^^^]

4

Из «Ревизора» Гоголя (д. V, явл. 8). *Reprimand* – выговор (фр.).

[^^^]

5

Цитата из «Заключения», своего рода обращения к читателям.

[^^^]

6

Торговые помещения в Петербурге.

[^^^]

7

На этой странице Надегндин уверял, что «публика осталась недовольна своим любимцем, заговорила не в пользу аристократа-писателя» (?!), «не признала «Дворянское гнездо» образцовым произведением».

[^^^]

Добролюбов приводит факты журнальной полемики конца 50-х гг. Байборода (псевдоним М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева и Ф. М. Дмитриева) печатался в «Русском вестнике», С. С. Громека – публицист «Отечественных записок»; «литературный протест» против «Иллюстрации» опубликован в *РВ*, 1858, № 11; «Ласточка» (журнал для дам и девиц) обвиняла «Северный цветок» («журнал мод, искусств и хозяйства») в литературном плагиате и др. (см. комментарий Б. П. Козьмина: *ГИХЛ*, т. IV, с. 536). «Русский инвалид» упрекали в искажении заграничной информации (см. там же), «Орел» (1859, № 1–4), журнал крепостнического направления, – в консервативных тенденциях.

[^^^]

Более концентрированно эти мысли изложены Добролюбовым в статье «Литературные мелочи прошлого года» (см. наст. т.).

[^^^]

[^^^]